

ДЕРЖАВИНЪ.

Б. Грифцовъ.

«Не заключитъ меня гробница,
Средь звѣздъ не превращусь я въ прахъ,
Но, будто нѣкая цѣвница,
Съ небесъ раздамся въ голосахъ».

Такъ Державинъ думалъ о своей посмертной судьбѣ. Но онъ ошибся. «Державинъ оставилъ послѣ себя въ казенныхъ архивахъ массу официальныхъ князскихъ бумагъ». «Въ полкѣ добровольныхъ челядинцевъ явился Державинъ». «Ничего не можетъ быть слабѣ художественной спорной стихотвореній Державина». «Въ его произведеніяхъ стали оспаривать даже присутствіе истинной поэзіи».

«Онъ былъ дикарь съ добрымъ отъ природы сердцемъ... Но его тщеславіе было такъ простодушно, его ограниченность такъ недогадлива, что можно ему простить все его нелѣпости, тѣмъ болѣе, что онъ остался безвреднымъ для государства по его безсилію... и поэтическія его произведенія не имѣютъ ровно никакой цѣны, кромѣ развѣ нѣкотораго историческаго интереса. Былъ ли у него талантъ, или нѣтъ, этого мы сами уже не могли бы различить, видя въ его стихахъ одно только безвкусіе». *)

Коль за коломъ вколачивали въ могилу Державина изслѣдователи его поэзіи и его жизни. Эти двѣ спорныя умысленно не различались, пока не соединились окончательно въ приговорѣ Чернышевскаго. Одинъ только Я. К. Гротъ заботливо издаетъ и комментируетъ Державина, но и онъ, отмежевываясь отъ «крипиковъ, хотѣвшихъ прослѣпить передовыми людьми», не видитъ, какъ логично вытекло это обличительное направленіе изъ относительно-историческаго метода Бѣлинскаго. Если правъ Бѣлинскій, говоря, что поэзія Державина есть поэтическая лѣтопись царствованія Екатерины, то правъ и Чернышевскій. Попытка защитить Державина, **) реабилитируя Екатерининскій блескъ, обречена

*) Статьи: *Лонскаго* «Державинъ въ Петрозаводскѣ». Р. Мысль 1883, кн. 10 и 11; *П. П.* «Кн. Платонъ Александровичъ Зубовъ». Р. Старина 1876, т. XVI и XVII; *В. Бѣлинскаго*: «Сочиненія Державина» 1843 г.; *А. Н. Пыпина* въ ист. русск. литературы т. IV; *Н. Г. Чернышевскаго* «Правдѣдовскіе нравы» собр. соч. т. VI.

**) Б. Садовской. «Русская Камена» 1906.

на неудачу. Вновь поэзія спала бы мемуарами или публицистикою, неизвѣстно почему переложеными на стихи. Если въ Державинѣ искать лѣтописца, то выяснено, что лѣтописецъ онъ былъ безполковный и недостоверный. И къ чему тогда та искусственная и осложняющая правильности наблюдений стихотворная форма, которая спланируется случайнымъ и мѣшающимъ придаткомъ. Какъ смѣшно тогда признаніе Державина о «необыкновенномъ пареніи», въ которомъ онъ отдѣляется отъ «плѣннаго міра». Между тѣмъ, этому признанію при нашемъ непосредственномъ отношеніи къ нему, присуща такая самоовлабляющая достоверность, что дѣлается совершенно ненужнымъ спрашивать, какими земными, житейскими комментаріями снабдятъ это «пареніе» критики Державина и даже онъ самъ. Его собственные «объясненія» его стиховъ и «записки» о его жизни даютъ, дѣйствительно, наихудшій и наименѣе достоверный комментарий. Тотъ же возносящійся къ образу чистыхъ идей «Лебедь» снабжается комментариемъ самого Державина о «соспавленномъ имъ проектѣ учрежденія претейскаго суда, не утвержденномъ по просямъ защитниковъ». Державину казалось, что это великолѣпное видѣніе, дающее основную нить его міропреобразующаго воображенія (лебедь—извѣстный символъ свѣта и поэзіи—сущность поэзіи Державина, пользующейся исключительно свѣтовыми обозначеніями) казалось, что это только отвѣтъ на служебныя дразги, на постоянныя происки его служебныхъ враговъ. Это любимая и въ сущности единственная тема автобіографіи Державина.

Три линіи жизни расходятся въ разныя стороны. Сухой, условный языкъ «Записокъ», почти не говоритъ объ энергичномъ, грубоватомъ и увѣренномъ въ житейскихъ благахъ бытовомъ его обликѣ. Одновременное осуществленіе трехъ методовъ жизни создаетъ запутанный, разноплоскостный узоръ. Надъ чиновническою и бытовою плоскостями поэзія возносится самоовлабляющей постройкой, со своими законами развитія и со своими первоисточниками. Легко опмираются и проходятъ человѣческія волненія, боли и всегда частичныя событія. Возродившіеся отъ нихъ образы живутъ въ фантасматическомъ и себѣ лишь подвластномъ отвлеченіи.

Нѣтъ основаній сомнѣваться въ боли Державина отъ смерти его первой жены. Но холодно регистрируетъ онъ въ своихъ запискахъ: «іюля 15 числа 1794 года скончалась у него первая жена. Не могли быть спокойнымъ о домашнихъ недостаткахъ и по службѣ неприятностямъ, чѣмъ отъ скуки не уклонился въ какой развратъ, женился онъ Генваря 31-го дня, 1795 года на другой женѣ, дѣвицѣ Д. А. Дьяковой». Нѣтъ боли также въ пьесѣ «Ласточка», о которой помѣчаетъ Державинъ: «сочинено въ

память первой жены автора». В свой мир уносится поэзия, чистая, безбольная, самодовлѣющая.

«О, домовитая ласточка!
О, милосизая птичка».

О комъ эпо? О живомъ челоѣкѣ или о томъ образѣ, которѣи спраннымъ поводомъ соединился для него съ живыми конкретными чувствами? Для него, но не для насъ. Намъ остался лишь самовольный и самоцѣнный образъ. Къ сравненію его съ живымъ челоѣкомъ Державинъ и самъ не возвращается. Нѣтъ—онъ весь во власти самого образа, самого мѣта, потому что образъ ласточки у него немедленно рождаетъ новыя связи:

«Ты часто во зеркалѣ водномъ
Подъ ряной играешь зарей,
На зыбкомъ лазурѣ бездонномъ
Тѣню мелкаешь твоей!
Ты часто, какъ молнія, рѣешь
Мгновенно туды и сюды;
Сама за собой не успеешь
Невидимы видѣть слѣды;
Но видишь тамъ всю ты вселенну,
Какъ будто съ высотъ на коврѣ:
Тамъ башню, какъ жаръ позлащенну,
Въ чешуйчатомъ флотѣ тамъ сребрѣ».

Полетъ ласточки съ непривычной быспротой породилъ полетъ фантазіи надъ міромъ, по своему воспринятымъ. Умершая жена? Нѣтъ—рѣющая ласточка, для которой міръ спалъ ковромъ играющихъ красокъ. И эпотъ блескъ красокъ служитъ ручательствомъ за то, что есть «новое солнце», есть безсмертіе, которое можетъ быть изображено лишь такъ ослѣпительно. Эти самовольные образы, къ которымъ конкретный міръ имѣетъ отношеніе очень далекое, какъ будто развиваются въ своемъ царствѣ, но при законченномъ развитіи даютъ вновь неожиданную душевную увѣренность:

«Воспой же безсмертіе міра.
Возстану, возстану и я;
Возстану—и въ безднѣ эфира
Увижу ль тебя я Пльнира?»

Логически это доказательство безсмертія непонятно. Но сложная связь жизненного случая съ отдѣльнымъ и приобретающимъ абсолютность образомъ и постиженіе безсмертія черезъ фантастическую свѣ-

пописъ явились свободно, произвольно, — заѣсь заключены всѣ постоянные и существенные элементы поэзіи Державина.

Когда мы думаемъ о человѣкѣ спараго времени, намъ представляется, что жизнь его ушла увѣреннымъ ходомъ среди быта и вещей. Сознаніе, не коснувшееся соблазна философіи, для котораго вещь вполне замѣняетъ проблему вещи, ставитъ себѣ близкія и осуществимыя цѣли. Человѣкъ законно любитъ земныя блага и увѣренъ въ законности своихъ чувствъ, въ конкретности своихъ желаній, не боится грубыхъ жестовъ, съ открытымъ взглядомъ встрѣчаетъ жестокости и цѣнитъ спокойствіе семьи, деревенской работы, еще не упоминающей городской суеты. Такими болѣе живущими и дѣйствующими, чѣмъ оцѣнивающими и размышляющими, были люди XVIII вѣка, особенно русскаго достаточнаго варварскаго XVIII вѣка. Такимъ, навѣрно, былъ Державинъ въ своемъ дѣйствительномъ обликѣ. Такимъ отчасти онъ изображаетъ себя въ Запискахъ — грубоватымъ, алчнымъ и увѣреннымъ въ бытіи земныхъ благъ. Рассказывая о своей безпутной молодости, онъ не скрываетъ, какъ «упражнялся въ зазорныхъ поступкахъ и въ неблагоприспосойной жизни, по естѣ въ пьянствѣ, карточной игрѣ и въ обхожденіи съ непопулярными ямскими дѣвками». Особенно усмиреніе Пугачевского бунта окружено атмосферой чувствъ, вполне откровенныхъ, жестокихъ и увѣренныхъ.

Казалось бы, въ цѣльномъ состояніи простой души, всякая работа воображенія испоконъ своимъ будетъ имѣть дѣйствительныя ощущенія, тѣмъ болѣе что нѣтъ никакихъ основаній выходить за границы вещественно ограниченаго міра. Человѣкъ ощущаетъ себя и міръ такъ прочно и связано. Но чѣмъ сильнѣе непосредственное физиологическое жизнеощущеніе, тѣмъ сильнѣе соблазнъ уйти въ фантастическій міръ. Зачѣмъ? Мы не знаемъ. Знаемъ только, что простой человѣкъ не спанетъ чистаго разсказовъ изъ близкой ему повседневной жизни. И потому, можетъ быть, съ такимъ постоянствомъ фантазируетъ о мірѣ Державинъ, что тяжель и вѣренъ жизненный проповѣсь.

Державинъ долженъ былъ, конечно, оставить картины своей благополучной жизни. Обѣды, праздники, убранство комнапъ, деревенскіе пейзажи — какъ изображаетъ всю обстановку своей жизни человѣкъ наивный и — ожидали бы мы — натуралистически настроенный? Развѣ натурализмъ не ищетъ своей единственной опоры въ простомъ человѣческомъ воспріятіи? Но первичное воспріятіе вовсе не просто и совсѣмъ не наивно. Наоборотъ, Державинъ прибѣгаетъ всегда къ такимъ отвлеченнымъ живописнымъ приемамъ, которые ближе всего стоятъ не къ передвижникамъ, даже не къ влюбленнымъ въ вещи голландцамъ, а къ

крикливо-яркимъ краскамъ, къ условнымъ красочнымъ узорамъ новой французской живописи. Державинъ былъ влюбчивъ и любилъ поѣсть— Я. Гротъ не можетъ скрыть этихъ его «недостатковъ». Но для Державина—поэта опмирають наиболѣе конкретныя вкусовыя ощущенія, замѣняясь опвлеченными обозначеніями, лишь свѣповыми и красочными. Обѣденный столъ? Нѣтъ. Это полвко.

«Цвѣтникъ, поставленный узоромъ:
Багряна ветчина, зелены щи съ желткомъ,
Румяно-желтъ пирогъ, сыръ бѣлый, раки красны,
Что смоль, янтарь-икра, и съ голубымъ перомъ
Тамъ щука пестрая—прекрасная».

Какъ реалистически—невѣрно это описаніе.

Между пѣмъ, все восхваленіе деревенской жизни, гдѣ, казалось бы, вещи спануть близки именно своей вещностью, преслѣдуетъ только одну красочную цѣль—изъ жизни саблатъ цвѣтникъ, узоръ.

«То въ маслѣ, то въ сосахъ зрю *злато* подъ вѣтвями,
То пурпуръ въ ягодахъ, то бархатъ-пухъ грибовъ,
Сребро, препещуще лещами».

Вещи открылись съ иной стороны. Не онѣ подобны опвлеченному золоту. Нѣтъ, онѣ лишь частное проявленіе извѣчныхъ, блистающихъ формъ. Золото первѣе сопъ, серебро достовѣрнѣе лещей. Теперь спросите, каковъ истинный предметъ поэзии Державина? Во всякомъ случаѣ, напрасно будетъ онъ самъ увѣрять, что описываетъ «русскій простой обѣдъ», что единственное извѣстное ему блаженство «въ здоровѣи и спокойствѣ духа», что «умѣренность есть лучший пиръ». Онъ зналъ своеобразный и неумѣренный пиръ красокъ. Вновь будетъ для него золотую шекснинская сперлядъ и вина будутъ манипъ игрою лѣда и искръ.

Внѣ свѣповыхъ обозначеній, безъ игры красокъ невысказано для него ни одно душевное волненіе, ни одинъ духовный образъ. Исходя какъ будто опъ случайныхъ происшествій придворной жизни или служебной карьеры, его поэзія именно такимъ постиженіемъ міра спановится на путь мифологизаціи, и для него связавшіеся съ частными событіями мифа—для насъ живутъ самостоятельной, крайне интенсивной жизнью.

Но исторія мифа, повидимому, всегда оспанетя непонятной. Пусть кропотливая сравнительно—историческая критика усановитъ твердо, какой частный случай далъ толчокъ къ созданію мифа, какая страсть или природная сила получила свое божественное бытіе,—это нисколько

не объяснитъ самую божественность мѣта, его настойчивость, его опредѣленіе отъ предмета. Нимфа, живущая у ручья, не нужна для здраваго смысла, лишъ осложняя своимъ двойственнымъ бытіемъ теченіе ручья.

Тѣмъ не менѣе мѣты возникаютъ. Поэзія Державина открываетъ въ полной постепенности путь такой мѣтологизаціи. Приемы его портретной и пейзажной живописи не нужны для почнаго, натуралистическаго описанія предмета. Портреты, написанные Державинимъ, особенно спранны. Въ одномъ изъ самыхъ раннихъ своихъ стихотвореній онъ обращался къ какой-то дамѣ съ просьбой:

«Не сожигай меня, Пламида,
Ты пихимъ голубымъ огнемъ
Очей твоихъ».

Позже въ его стихахъ появятся другія женскія имена. Но будутъ ли онѣ проспыми или фанпастическими, вродѣ Плѣниры и Милены, все равно ихъ носительницы будутъ изъ того-же племени Пламидъ, поперавшихъ свой сердечный, чувственный обликъ и лишъ сохранившихъ опвлеченныя напоминанія о разнокрасочномъ огнѣ.

Галерея этихъ женскихъ образовъ очень цѣльна по изобразительнымъ средствамъ. И еще болѣе удивляетъ портретъ, на которомъ значится обыкновенное имя. Такъ не представишь себѣ легко Лизу изъ стихотворенія «Пчелка»:

«Соты ль душиста
Въ желтыхъ власахъ,
Роза ль огниста
Въ алыхъ устахъ,
Сахаръ ли бѣлый
Грудь у нея?»

Вся наблюдательность поэта направлена на то, чпобы подмѣтитъ детали въ игрѣ красокъ: у М. А. Львовой «снѣгоподобная рука», а у русскихъ дѣвушекъ, танцующихъ панецъ бычка видно:

«Какъ сквозь жилки голубя
Льетъ розовая кровь».

Одна лишъ черта показала поэту достаточной для того, чпобы дать портретъ П. М. Бакуниной:

«Бѣлокурая Параша,
Сребророзова лицомъ».

Еще смѣлѣе «Портретъ Варюши», ея сестры:

«Милая заря весеня,
 Алымъ блескомъ покровенна,
 Какъ встаетъ съ кристалныхъ водъ
 И въ небесный идетъ сводъ,
 Мещетъ яхонтные зоры;
 Тихій свѣтъ и огнь живой
 Проникаетъ тверды горы:
 Такъ, Варюша, образъ твоей».

На портретной живописи наиболѣе достовѣрно можно прослѣдить живописные приемы. Она, казалось бы, наиболѣе ограничена. На человѣческомъ лицѣ Державинъ видѣлъ только голубой огонь, яхонтные зоры, огнистыя розы. То же преображеніе міра въ огонь окажется достовѣрнымъ его методомъ, которому подчинено все его «поэтическое» изученіе міра. Но что значить «поэтическое»?

Самъ Державинъ былъ увѣренъ въ преобразовательныхъ правахъ поэзіи, въ томъ, что если «въ натуральномъ смыслѣ, конечно, звѣзды блистаютъ, а звуки звучатъ», то это необязательно для смысла «випіеваго или фигуральнаго», Такимъ образомъ, не совсѣмъ уже случайно предоставилъ онъ возникнуть и укрѣпляться своимъ живописнымъ приемамъ. Однако, дальше въ логическомъ анализѣ смысла и цѣнности метафоры онъ не пошелъ, скорѣе считая себя реалистомъ по темамъ своей поэзіи. Но нисколько не въ темахъ обнаруживается сущность, истинный предметъ его поэзіи. Потерявшіе для насъ живой смыслъ и непосредственный интересъ событія, военные эпизоды, случаи чиновнической и придворной жизни, въ моральной оцѣнкѣ которыхъ мы такъ мало могли бы согласиться съ Державинымъ—были только поводомъ для того, чтобы возникали его видѣнія, полныя блеска, значительности и для людей съ совсѣмъ инымъ кругомъ житейскихъ впечатлѣній. И точно также нѣтъ дѣла эстетикѣ до случайныхъ вопросовъ о томъ, красиво и пріятно-ли для насъ такое условное преображеніе міра. Независимо отъ этого субъективнаго чувства удовольствія, оно встаетъ передъ нами настойчиво, преобладающе, и остается только слѣдить, насколько цѣленъ этотъ міръ, такъ далеко вознесшійся надъ впечатлѣніями, которыя по привычкѣ мы считали естественными, хотя они не менѣе условны по своей структурѣ. Только такая точка зрѣнія была бы достаточно свободна для того, чтобы отдаваться полной освобожденности лирики Державина. Она безспорно цѣльна: черты человѣческаго лица и обстановка дома, простой деревенскій пейзажъ для него были

полько проявленіемъ извѣчныхъ стойкихъ формъ. Эти формы—своего рода рай, еще не потерянный для человѣка. Недаромъ блескъ ихъ наиболѣе ясенъ, когда Державинъ задается вопросомъ, какъ можно представить себѣ «небесный верпоградъ». Сонмы блаженныхъ «въ прозрачныхъ радужныхъ шапкахъ» видятъ поэта, ихъ бесплотный слухъ утѣшаетъ своею лирою Ломоносовъ

«Уже, какъ молнія, пронзаетъ
Ихъ свѣтлу грудь его хвала;
Златъ медъ блеститъ въ устахъ пунцовыхъ,
Зари играютъ на щекахъ;
На мягкихъ зыблющихъ, перловыхъ
Они возлегли облакахъ,
Небесныхъ арфъ и дѣвъ внимаютъ
Поющихъ тихострунный хоръ».

Неужели нужно настаивать, что—это отрывокъ изъ стихотворенія «На взятіе Варшавы»? Трудно даже вспомнить, что оказалось поводомъ для того, чтобы Державинъ такъ свободно унесся въ міръ своихъ идей. А когда взглядъ его обратится къ конкретному предмету или картинѣ, въ нихъ также онъ увидитъ лишь осуществленное ранѣе въ райскомъ протопитѣ. Поэтому лѣто открываетъ послѣдовательность играющихъ красокъ:

«Знойное лѣто весна увѣчала
Розовымъ, алымъ по кудрямъ вѣнцомъ;
Липова роща, какъ жаръ, возблистала
Вкругъ меда листомъ.
Желтые грозды, сквозь листь продираясь,
Запахомъ, рянцемъ нимфъ сельскихъ манятъ;
Травы и нивы, косою озаряясь,
Какъ волны шумятъ.
Стекляныя рѣки лучемъ полудневымъ,
Жидкому злату подобно, текутъ».

Если такъ вѣрны, такъ прочны природныя краски, то на свѣтѣ нѣтъ ничего спрашнаго, помятаго и мечтательнаго. Нѣтъ предѣловъ для освѣщенія всяческихъ повседневныхъ явленій блистаніемъ райскихъ красокъ. Радость о мірѣ придетъ не отъ міра, безразличное движеніе котораго невиднo поэту, но отъ настойчивости его воображенія, находящаго вещи въ моменты ихъ наибольшаго блистанія или еще сосредоточивающагося на вещахъ блистающихъ. Но Державину мало природнаго свѣта. Гиперболизмъ—сознательно принятый имъ методъ.